

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КРИТИКА

Т.В. Юдина,

доктор филологических наук, профессор кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: twyudina@rambler.ru

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

Предметом анализа в предлагаемой статье являются переводы произведений А.С. Пушкина на немецкий язык, осуществлённые и изданные в Германии и Австрии в период между 1933 и 1945 годами. В центре внимания находится переводчик, его мотивация, его метод, его культурная самоидентификация. Речь идёт о новых переводах, о новом открытии иноязычного автора для читателя. В теоретическом аспекте анализируются объективные и субъективные факторы, которые приводят к появлению новых переводов уже ранее переведённых текстов. Рассматривается культурно-исторический контекст и субъективные побудительные мотивы авторов переводов.

Ключевые слова: история перевода, культурно-исторический контекст, проблема новых переводов, переводчик как бикультурная личность, культурная самоидентификация переводчика.

Вводные замечания

История перевода, которая как научное направление сформировалась сравнительно недавно, открывает всё время новые перспективы. Анализ деятельности переводчика предполагает учёт временного фактора, культурно-исторического контекста, в котором действует переводчик.

События Первой мировой войны и Октябрьской революции в России 1917 года вызвали большой отток российского дворянства, купечества, интеллектуалов, людей науки и искусства в страны центральной и западной Европы. Среди них выделяется группа обрусевших немцев, российских немцев, которые в течение нескольких поколений жили в России, состояли, в частности, на государ-

ственной службе или вели активную деятельность в творческой и образовательной сфере.

Эти люди вернулись в Германию независимо друг от друга, но при сходных жизненных ситуациях и приблизительно в одно и то же время. Особое место среди них занимали личности, глубоко интегрированные в российскую литературную и культурную жизнь. Именно они сумели в ходе своей последующей деятельности в трудный исторический период, в том числе в условиях национал-социалистической пропаганды донести до немецкого читателя богатство нюансов классической русской литературы и в первую очередь творчество Александра Сергеевича Пушкина.

Современный немецкий историк-славист Карл Шлөгель отмечает в целом исключительную издательскую активность русской диаспоры в Берлине в первые послереволюционные годы. В период между 1918 и 1924 годами, по его данным, в «русском Берлине» издавалось больше книг, чем в Москве и Петрограде. Они охватывали от 2100 до 2200 названий, вышедших в 80 издательствах. Среди книг, издаваемых на русском языке в русских эмигрантских издательствах значительную часть составляли произведения Пушкина, а наиболее известным среди них было издательство Petropolis [Schlögell, 1994: 164]. Однако примечательно, что в первой половине XX века, в частности в период между двумя мировыми войнами, творчество А.С. Пушкина с точки зрения культурно-переводческих трансформаций привлекает внимание целого ряда незаурядных и даже выдающихся литераторов. В этой связи интересен, конечно, литературный эксперимент Владимира Набокова, который начал работу над своим многолетним комментированным переводом «Евгения Онегина» на английский язык в 20-е годы, находясь в эмиграции ещё в Германии, и завершил этот труд уже переехав в США. Опубликован этот перевод был лишь в 1964 году.

1. Пушкин в немецком варианте

3 октября 1946 года немецкий еженедельник «Ди Цайт» опубликовал статью Вольфганга Дрекса под заголовком «Пушкин — всемирный гений» (Puschkin ein Weltgenie). Это была рецензия на вышедший незадолго до этого в Германии сборник стихов Пушкина на немецком языке.

Автор рецензии пишет о глубоком символизме данного события, в котором сошлись прошлое и настоящее. В послевоенной поверженной Германии издаются стихи русского поэта XIX века, издание подготовлено сыном скончавшегося к тому времени (в 1928 году) переводчика Генри Гейзелера (Henry Heiseler), российского немца,

тонко чувствовавшего, по словам рецензента, звучание как русского, так и немецкого языков и ставшего посредником между востоком и западом [Drews, 1946].

Сам заголовок представлял собой цитату из эссе Генри Гейзелера «Заметки к драмам Пушкина», в котором он называет Пушкина всемирным гением, „Weltgenie“. Книга с переводами Гейзелера драматических произведений Пушкина и его вышеупомянутыми «Заметками» была выпущена издательством „Rauch“ (Verlag Rauch) в 1941 году. Издание же сборника стихотворений Пушкина в переводе Гейзелера вышло (первое) в 1937 году в Мюнхене в издательстве «Вебер».

1946 год был примечателен ещё двумя немецкими публикациями произведений Пушкина. В «Издательстве советской военной администрации в Германии» выходит «Станционный смотритель» в двуязычном варианте — русский и немецкий тексты. Немецкий перевод выполнен Рейнгольдом Вальтером (Reinhold Walter). В немецком варианте повесть называется „Der Postmeister“, а в издательстве „Stichnote“, опубликованная в том же году в переводе Вольфганга Грёгера (Wolfgang Groeger) эта же повесть озаглавлена „Der Postvorsteher“.

Издание произведений русского классика в первые же месяцы после окончания войны в немецких переводах в Германии стало, конечно, важным литературным событием. Это литературное событие было, однако, подготовлено предшествующей переводческой и издательской деятельностью целой группы единомышленников-интеллектуалов в Германии и Австрии, которым удавалось переводить и издавать произведения Пушкина, его малую прозу и лирику в том числе и в период национал-социалистической диктатуры, в конце 30-х и начале 40-х годов, что само по себе было в какой-то степени подвижничеством, сопряжённым с определёнными рисками. К этой группе относятся прежде всего Henry Heiseler (Генри Гейзелер) (1885, Санкт-Петербург — 1928, Фордерлайтен); Arthur Luther (Артур Лютер) (1876, Орёл — 1955, Баден-Баден); Reinhold von Walter (Рейнголд фон Вальтер) (1882, Санкт-Петербург — 1965, Равенсбург); Werner von Matthey (Вернер фон Маттей) (1901, Ревель — 1981, Тюбинген).

2. Переводческая свобода выбора

В своих рассуждениях на тему «Субъект и власть» Мишель Фуко обозначает национал-социализм как «патологическую форму власти», как «болезнь власти» [Foucault, 2007: 83]. Основное внимание при этом он уделяет прежде всего личности, субъекту. Рассуждая на тему взаимодействия субъекта и власти, Фуко анализирует так

называемые формы объективации, которые делают человека субъектом. В его интерпретации эти формы объективации проявляются в вербальных действиях субъекта через грамматику, филологию, лингвистику и становятся факторами, которые приводят к субъективации человека в культурном пространстве [Foucault, 2007: 81]. В контексте его «эстетики существования» (*Ästhetik der Existenz*) центральное место занимает «борьба против авторитетов» и «сопротивление власти».

Обращаясь к роли переводчика в культурном трансфере, можно проследить, как автор литературных переводов вносит свой вклад в процесс общественной и межкультурной коммуникации, участвуя тем самым в создании культурного портрета своей эпохи. В этой связи сразу возникает несколько теоретических и методологических вопросов:

Насколько свободен переводчик, берясь за работу над тем или иным текстом? Какое значение может иметь выполненная им работа для того, чтобы открыть дверь в иную культуру? Насколько велико значение личности переводчика в процессе создания нового текста? Важным пунктом является также новое открытие оригинала через создание нового перевода.

Один из современных теоретиков перевода, Герцимиш, ссылаясь на теоретические положения Мудерсбаха, вычленяет в творчестве переводчика две перспективы: перспективу наблюдателя и перспективу деятеля. Взаимодействие этих двух перспектив она рассматривает в личности переводчика, который, обладая бикультурной компетенцией, в своей рабочей стратегии использует метод «допущений» [Gerzymisch, 2013: 60–61]. Если он предполагает, что культурный контекст оригинала остаётся недостаточно раскрытым через текст перевода, он прибегает к дополнительным комментариям и пояснениям. При этом только сам переводчик принимает решение об объёме, характере и самом содержании этих комментариев.

При анализе перевода литературного текста в центре внимания оказывается работа с самим текстом как переводческой единицей, с текстом в его классическом понимании. Использование понятия «текст как открытая единица» („*der offene Textbegriff*“) [Gerzymisch, 2013: 20] помогает создать основу для связи между теорией перевода и теорией культуры.

Выдвигая тезис «культуре нужен перевод, переводу нужна культура», Клаус Мудерсбах исходит из предпосылки, что человеку присуща ментальная потребность трансформации своей изначальной, родной культуры в «чужую» и «чужой» культуры в свою

родную [Mudersbach, 2002: 188]. Это задачу, по его мнению, может выполнить только такой компетентный переводчик, который, зная холистическую культуру обеих противопоставляемых культур, берёт на себя ответственность и за то, как чужую культуру перевести на родную почву, и за то, чтобы свою культуру сделать понятной другой культурной общности [Ibid.: 189].

Ключ к успеху здесь опять же образует «бикультурная компетенция» переводчика, его способность находиться между двумя культурами [сравн. Forstner, 2006: 106; Holzer, 2010: 59]. Такая компетенция предполагает обострённое чувство восприятия культурных сигналов, а также знание и понимание глубоких культурно-конвенциональных структур. Итоговый акциональный успех переводчика заключается в умении создать культурный контакт, а точнее — контакт культур.

В истории переводческого процесса результаты деятельности переводчика, его искусства и его ремесла наиболее полноценно прослеживаются в рамках целостного исторического контекста. С позиции истории переводческой науки установление связи между эпохой, личностью переводчика и результатами его труда предполагает и выявление переводческой интенции, мотивации выбора переводчика, его духовной связи с текстом оригинала.

В этой связи представляется целесообразным остановиться на основных событиях в биографиях переводчиков, о которых здесь идёт речь, и на некоторых общих чертах, которые их объединяют. Австрийская исследовательница-славист Кармен Зиппль обращает внимание на интенсивный и плодотворный русско-немецкий культурный диалог, который происходил в первой трети XX века. Успешный трансфер русской культуры на немецкую почву создавался особой группой переводчиков, у которых, в отличие от последующих поколений «культурных посредников», существовало нечто большее, чем просто хороший контакт с русским языком и с русской культурой. Это были личности, культурная идентичность которых определялась русским компонентом их биографий [Sippl, 1998: 1; см. также Poljakov, Sippl, 1999]. Понятие идентичности, в основе которого лежит языковая и культурная общность, приблизительно с 70-х годов прошлого века применительно к коллективной или групповой идентичности рассматривается, скорее, как абстракция, как конструкт. В то же время Клиффорд Гирц (Clifford Geertz) рассматривает культуру как исторически выработанную систему значений, с помощью которой наша жизнь приобретает образ, оформление, направление и цели [Geertz, 1992: 79].

3. Проблема близости и остранённости в переводческой концепции

Новое открытие творчества Пушкина для немецкоязычного читателя произошло через переводческую деятельность отдельных личностей и благодаря их совместной деятельности. Творчество Пушкина и перевод его произведений стал для этой группы литературных переводчиков своего рода фактором культурной самоидентификации. Будучи противниками большевизма и советской России, они в то же время испытывали глубокую привязанность к дореволюционной русской культуре и быту, которые являлись для них неотъемлемой частью их собственной жизни. Они испытывали глубокую тоску по той безвозвратно утраченной жизни (это подтверждается, в частности, многочисленными примерами из приватной переписки) и пытались сохранить и передать дальше её «ускользающую красоту». Их погружение в пушкинские тексты и подготовка переводов к изданию помимо тщательного нового прочтения оригинала было одновременно и формой эскапизма, бегством от наступавшей в Германии тоталитарной системы. Работа над текстами велась тщательно, бережно и скрупулёзно. Переводы сопровождалось подробными комментариями и примечаниями. Тем самым авторам удалось через переводной текст создать особую эстетическую сферу, особое эстетическое пространство.

Что же касается переводческой мотивации этих личностей, то здесь можно выделить несколько аспектов: свою задачу они видели в том, чтобы передать всю оригинальность пушкинского языка и его поэтическую эстетику так, как они это понимали и чувствовали; через переводы пушкинских поэтических и прозаических текстов им хотелось донести до читателя тот образ России, который сохранился к тому времени лишь в истории и в их воспоминаниях; они стремились представить Пушкина как европейского автора, а его творчество как часть общего европейского культурного наследия (сравн. Поляков, Зиппль).

Для Вальтера фон Маттея переводческая деятельность была формой культурного диалога. В предисловии к переводу «Русской лирики от Пушкина до Блока („Russische Lyrik von Puschkin bis Block“, Reihe „Sammlung Klosterberg“, 1943) он пишет, что его переводы первоначально не были предназначены для публикации и оговаривается, что они могут содержать элемент субъективности. При этом автор подчёркивает, что своими переводами он стремился к тому, чтобы передать ритм и образы русской поэзии, насколько это позволяет немецкое словообразование и немецкий синтаксис» [Mattey, 1943: 9]. В его восприятии языковой аспект неотделим от культурного. Он

пишет также о том, что тот, кто не знает русской лирики, не знает России. Русская лирика, по его мнению, едва ли переводима, её понимание предполагает глубоко проникновение в языковую основу. Она отличается от западноевропейской, но в то же время как восточноевропейский вариант имеет глубокие европейские корни, образует культурное единство с западноевропейской лирикой [Ibid.: 13].

В этой интерпретации опять же прослеживаются глубокие личные воспоминания и сожаление о безвозвратно ушедшем мире, что одновременно служило вдохновением для собственного творчества.

Более известный широкой публике не только как литературный переводчик, но прежде всего как самостоятельный автор, тесно связанный с литературным кружком Штефана Георге, Генри Гейзелер в своём комментарии к изданным ещё в 1913 году драмам Пушкина также подчёркивал живой характер культурного диалога и глубинную культурную связь между Россией и Германии в рамках европейского культурного пространства. При этом он отмечал заслуги Жуковского как непревзойдённого мастера культурного трансфера, благодаря переводам которого немецкая поэзия органично вошла в русскую культуру [Heiseler, 1941: 170].

Примечательно, что Гейзелер, так же, как и Маттей, очень благоговейно относился к пушкинскому тексту и самокритично к своему переводу (в данном случае имеется в виду «Борис Годунов»). Он указывал на большие трудности, которые стоят перед переводчиком в процессе передачи всей полифонии пушкинского поэтического текста на немецкий язык — и допускал, что его перевод «Бориса Годунова» может содержать недостатки [Ibid.: 180]. Обращает на себя внимание тот факт, что представленных здесь мастеров перевода сочинений Пушкина в меньшей степени интересовали их современники. Для этих литераторов Россия ассоциировалась с Пушкиным и бытом XIX века, что вдохновляло и на собственные произведения. Так Генри Гейзелер, вдохновлённый переводами пушкинской драматургии, создал пьесы «Гриша», «Дети Годунова», «Пётр и Алексей», которые были поставлены в немецких театрах.

Данных переводчиков интересовал в большей степени не серебряный, а золотой век русской литературы. На их особую приверженность пушкинской поэзии обращает внимание в своём исследовании, в частности, Гроницка: “While the influence of Russian Symbolists on Heiseler proved short-lived, Puschkin’s influence persisted and played an important role in determining the form if not the content of the poet’s mature lyrics” [Gronicka, 1944: IX]. Следует, однако, отметить в то же время интерес Гейзелера к творчеству Вячеслава Иванова, с которым он был лично хорошо знаком, и выполненный им удачный перевод ивановского «Тантала».

4. Переводы-предшественники

Если обратиться к истории переводов пушкинских произведений на немецкий язык, то можно увидеть, что переводить Пушкина в Германии начали рано, ещё в XIX веке. «Бахчисарайский фонтан» („Der Trauerquell“) вышел в немецком переводе в 1826-м, в том же году, что и оригинал. Такая же быстрая переводческая реакция касалась и «Бориса Годунова», перевод вышел в 1831 году. Одним из первых переводчиков был Боденштедт. Вот здесь и происходит коллизия между переводчиками XIX века и начала XX века. Гейзелер критикует в первую очередь как раз переводы Боденштедта, который становится для него именем нарицательным. Именно в низком качестве этих переводов Гейзелер видел причину того, что Пушкин был недостаточно оценён немецким читателем, переводы Боденштедта, по его мнению, ни в малейшей степени не давали представления о «русском гении» [Heiseler, 1941: 181]. Справедливости ради надо отметить, что с Боденштедтом были литературные контакты и переписка у И.С. Тургенева, который вполне уважительно относился к его литературному таланту.

Анализируя с точки зрения теории перевода объективные трудности, которые возникают в процессе переводческого трансфера художественных произведений, Н.К. Гарбовский акцентирует внимание на факторе «несоответствия в восприятии оригинального и переводного текстов» [Гарбовский, 2004: 177], что и приводит, по его мнению, к «переводческому скептицизму». Именно эта проблема волновала рассматриваемых авторов переводов русской литературы. Об этом свидетельствуют их письма, многочисленные комментарии к текстам и отдельные концептуальные разработки по данному вопросу. В своих «Заметках к драмам Пушкина» („Bemerkungen zu Puschkins Dramen“) Гейзелер останавливается на таком моменте, как перенос на почву другого языка лёгкого пушкинского ритма и рассматривает свои переводы лишь как попытку показать путь, по которому в дальнейшем смогут идти, как он пишет, более удачливые переводчики [Heiseler, 1941: 182–183].

Лично не знакомый с Гейзелером, но высоко ценивший его переводческие достижения, представитель более молодого поколения Артур Лютер очень интенсивно занимался концептуальными вопросами литературных переводов, подробно останавливаясь — кроме анализа переводов Пушкина — и на переводах Льва Толстого на немецкий язык. Не называя автора перевода, он приводит интересный пример, когда рассказ Толстого на немецком языке читается как оригинал. При этом Лютер задаётся вопросом: почему же, хорошо зная Толстого в оригинале, он не чувствует в этом гладком перево-

де самого Толстого, «своего Толстого»? Причина заключается в том, что длинные периоды толстовского текста и его сложный синтаксис автор трансформировал в короткие предложения, и, как пишет далее Лютер, таким образом «широкий и медленно текущий по равнине речной поток превратился в пенистый горный ручей» (перевод мой — Т.Ю.) [Luther, 1949: 11]. Примечательно, что и у Гейзелера, и у Маттея, и у Лютера в их аналитических рассуждениях о переводе русской классики присутствует глубоко личная эмоциональная составляющая и глубокая внутренняя связь с обеими культурами. Определяющим для них было не слово, не просто текст, а атмосфера текста, весь культурный контекст. В этих рассуждениях А. Лютер затрагивает проблему взаимопроникновения национальных литератур, которые не утратили актуальности по сей день. Применительно к литературным переводам Эрих Прунч с отсылкой к теории Иржи Левого (Jiri Levy) подробно останавливается на таких аспектах, как культурная эпоха, периодизация художественной оригинальной и переводной литературы и на факторе эстетически-философских взглядов переводчика [Prunc, 2005: 214].

Проблема новых переводов достаточно хорошо разработана в современном переводоведении, однако непрерывный переводческий процесс даёт постоянно новый материал, требующий осмысления, кроме того, есть тексты, которые константно привлекают к себе внимание разных переводчиков. Наряду с такими случаями, когда появление нового перевода мотивируется наличием содержательных ошибок и искажений, в качестве аргумента называют также «устаревание» переводного текста.

В случае с пушкинским «Станционным смотрителем» известны переводы, выполненные представителями одного поколения. Они были выполнены Ланге, Грёгером и Вальтером (Lange, Groeger, Walter). Это были конкурирующие переводы, но между авторами не наблюдалось соперничества. Как раз именно благодаря их сотрудничеству и совместной работе в рамках издательства Раух сформировалось особое культурное пространство. Издание переводов сопровождалось основательными комментариями, пояснениями и хорошими иллюстрациями, которые создавали общий культурный контекст. Изданный в 1940 году в Вене перевод «Дубровского», выполненный Рейнгольдом фон Вальтером, сопровождался рисунками известного австрийского книжного иллюстратора Фрица Майер-Бека (Fritz Mayer-Beck, 1907–1977). В кратком вводном комментарии к книге говорится, что иллюстрации выразительно представляют сильные характеры и резкие контрасты души русского человека, а Пушкин, который страстно любил свою отчизну, однако обозначал

острые социальные проблемы, мастерски рисует в этой новелле картину жизни русского помещичьего дворянства начала XIX века. Формат художественного перевода здесь предстаёт как сочетание текстуального и визуального выражения. Следует упомянуть, что в том же, 1940 году в Вене повесть была экранизирована. Примечательно, что в 1941-м эта же повесть была издана в Германии в переводе Артура Лютера в сборнике пушкинской прозы в издательстве «Раух».

Заключение

Анализируя переводческую деятельность целой группы единомышленников в 30–40-е годы прошлого века, можно сказать, что их интенция при выборе Пушкина как текста для перевода было своего рода бегством и внутренней эмиграцией. Вопреки духу времени и национал-социалистической пропаганде они открывали гуманистический дух творчества Пушкина и старались своими переводами донести его до немецкого читателя. Это был эстетический протест. В своих переводах они старались показать разноплановость и яркость русских характеров. В условиях, когда идеология расизма распространялась и на славян, их тщательную работу с русской литературой в культурно-историческом контексте можно рассматривать как своего рода эстетическое сопротивление. Что касается концепции новых переводов, которая лежала в основе деятельности рассмотренных авторов переводов, то она основывалась на глубоком раскрытии содержания и формы пушкинского текста в их единстве и на поиске выразительных средств немецкого языка, которые передавали бы всю философскую и эстетическую глубину творчества русского гения.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Drews Wolfgang. Puschkin-ein Weltgenie. B: Die Zeit Nr. 33, 03 Oktober 1946, ONLINE. <http://www.zeit.de/1946/333/puschkin-ein-weltgenie> Drews, Wolfgang (1946): Puschkin-ein Weltgenie.

Forstner Martin. „Der Übersetzerwischenden Kulturen“. Forstner Martin & Lee-Janke Hannelore (Hg.): CIUTI-ForumParis, 2005: regards sur les aspects culturel de la communication. Bern u.a.: Peter Lang, 2006, pp. 87–118.

Foucault Michel. Ästhetik der Existenz: Schriften der Lebenskunst. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. 146 p.

Geertz Clifford. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme, Fr. M.: Suhrkamp, 1987. 320 p.

Gerzymisch Heidrun. Übersetzungen wissenschaftliches Denken und Arbeiten. Grundlagen // *Gerzymisch Heidrun* (Hg.): Translation als Sinngebung. BERLIN: LiT-Verlag, 2013, pp. 1–91.

Gronicka Andre von. Henry von Heiseler. A Russo-German Writer. New York: Kings Crown Press, 1944. 224 p.

Heiseler Henry von. Bemerkungen zu Puschkins Dramen. Puschkin. Sämtliche Dramen. Dessau: Rauch, 1941, pp. 169–185.

Holzer Peter. Interkulturelle Kompetenz: ein Begriff mit vielen Facetten. Lee-Jahnke Hannelore&Prunc, Erich. Am Schnittpunkt von Philologie und Translationswissenschaft. Festschrift zu Ehren von Martin Forstner. Peter Lang, 2010, pp. 49–67.

Luther Arthur. Studien zur deutschen Dichtung. Elpis-Verlag E.F. Krehbiel Kuppenheim Murgstal, 1949. 161 p.

Matthey Walter von. Russische Lyrik (von Puschkin bis Block). Ein Jahrhundert russischer Dichtung. (Auswahl und Übertragung von Werner v. Matthey). Basel: Schwabe, 1943. 104 p.

Mudersbach Klaus. „Kultur braucht Übersetzung. Übersetzung braucht Kultur (Modell und Methode)“. Thome Gisela (Hrsg.) Kultur und Übersetzung. Methodologische Probleme des Kulturtransfers. Tübingen: Narr, 2002, pp. 169–227.

Prunc Erich. Einführung in die Translationswissenschaft. Bd. 1. Graz: Selbstverlag. Institut für Translationswissenschaft Universität Graz, 2005. 374 p.

Poljakov Fedor, Sippl Carmen. Puschkin in Übersetzungen Henry Heisellers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. Slavistische Beiträge. Bd. 388. Verlag Otto Sagner, 1999. 131p.

Sippl Carmen. Der Übersetzer in der russisch-deutschen Kulturvermittlung als „Primärer Rezipient. Am Beispiel Heinrich von Heiseler“. TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. No. 6, September 1998, pp. 1–8 (Электронный ресурс).

Schlögel Karl (1994). „Berlin — Stiefmutter unter den russischen Städten“. In: Schlögel, Karl (Hg.): Der große Exodus der russischen Emigration und ihre Zentren von 1917 bis 1941. München: Beck, pp. 234–259.

Переводы произведений А.С. Пушкина на немецкий язык, изданные в 30–40-е годы XX века (выборочно)

Puschkin. Sämtliche Dramen. (übers. Von H. v. Heiseler). Dessau: Rauch, 1941. 188 p.

Puschkin. Erzählungen. Herausgegeben und eingeleitet von Arthur Luther, übersetzt von Arthur Luther, Siegmund von Radecki, Reinhold Walter. Dessau: Rauch, 1941. 478 p.

Puschkin. Sämtliche Dramen, 1941. Leipzig: Rauch. 188 p.

Puschkin. Der Postvorsteher (aus d. Russ. Übertr. Von Wolfgang E. Groeger.). Graf H. Luckner schuf das Titelbild. Potsdam: Stichnote, 1943–44. 53 p.

Puschkin. Der Postmeister. Zweisprachig (russisch-deutsch), (übertr. V.R. von Walter). Berlin: Verlag der Sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland, 1946. 76 p.

Tatyana V. Yudina,

Full Professor, Professor at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: twyudina@rambler.ru

COMPETING TRANSLATIONS OF FICTION AND TRANSLATOR'S CULTURAL IDENTITY

The article analyzes translations of Alexander S. Puschkin's works into the German language made and published in Germany and Austria between 1930 and 19450. The author's attention is focused on the translator, his motivation, approaches and cultural self-identification. New translations and new discoveries of non-German authors for the recipient are analyzed. In terms of theory, objective and subjective factors that lead to new translations of texts that have already been translated are taken into consideration. The cultural and historical context is analyzed along with translators' personal and virtual motives.

Key words: translation history, cultural-historical context, new translations, translator's bicultural personality, translator's identity.

Reference

Garbovskij N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik [Translation theory]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 544 p. (In Russian).

Drews Wolfgang. Puschkin-ein Weltgenie. B: Die ZeitNr. 33, Oktober 03 1946, ZEIT ONLINE. <http://www.zeit.de/1946/333/puschkin-ein-weltgenie>
Drews, Wolfgang (1946): Puschkin-ein Weltgenie.

Forstner Martin. „Der Übersetzerwischenden Kulturen“. Forstner Martin & Lee-Janke Hannelore (Hg.): CIUTI-ForumParis, 2005: regards surlesaspects culturel de la communication. Bern u.a.: Peter Lang, 2006, pp. 87–118.

Foucault Michel. Ästhetik der Existenz: Schriften der Lebenskunst. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. 146 p.

Geertz Clifford. Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. 320 p.

Gerzymisch Heidrun. Übersetzungswissenschaftliches Denken und Arbeiten. Grundlagen. Gerzymisch Heidrun (Hg.): Translation als Sinngebung. BERLIN: LiT-Verlag, 2013, pp. 1–91.

Gronicka Andre von. Henry von Heiseler. A Russo-German Writer. New York: Kings Crown Press, 1944. 224 p.

Heiseler Henry von. Bemerkungen zu Puschkins Dramen. Puschkin. Sämtliche Dramen. Dessau: Rauch, 1941. S. 169–185.

Holzer Peter. Interkulturelle Kompetenz: ein Begriff mit vielen Facetten. Lee-Jahnke Hannelore&Prunc, Erich Am Schnittpunkt von Philologie und Translationswissenschaft. Festschrift zu Ehren von Martin Forstner. Peter Lang, 2010, pp. 49–67.

Luther Arthur. Studien zur deutschen Dichtung. Elpis-Verlag E.F. Krehbiel Kuppenheim Murgstal, 1949. 161 p.

Matthey Walter von. Russische Lyrik (von Puschkin bis Block). Ein Jahrhundert russische Dichtung. (Auswahl und Übertragung von Werner v. Matthey). Basel: Schwabe, 1943. 104 p.

Mudersbach Klaus. „Kultur braucht Übersetzung. Übersetzung braucht Kultur (Modell und Methode)“. Thome Gisela (Hrsg.) Kultur und Übersetzung. Methodologische Probleme des Kulturtransfers. Tübingen: Narr, 2002, pp. 169–227.

Poljakov Fedor, Sippl Carmen. Puschkin in Übersetzungen Henry Heisellers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. Slavistische Beiträge. Bd. 388. Verlag Otto Sagner, 1999. 131 p.

Prunc Erich. Einführung in die Translationswissenschaft. Bd. 1. Graz: Selbstverlag. Institut für Translationswissenschaft Universität Graz, 2005. 374 p.

Sippl Carmen. Der Übersetzer in der russisch-deutschen Kulturvermittlung als „Primärer Rezipient. Am Beispiel Heinrich von Heiseler“. TRANS. Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. No. 6. September 1998, pp. 1–8.

Schlögel Karl (1994). „Berlin — Stiefmutter unter den russischen Städten“. In: Schlögel, Karl (Hg.): Der große Exodus der russischen Emigration und ihre Zentren von 1917 bis 1941. München: Beck, pp. 234–259.

***Translations of Pushkin's works into German,
published in the 30s and 40s of the 20th century (selectively)***

Puschkin. Sämtliche Dramen. (übers. Von H. v. Heiseler). Dessau: Rauch, 1941. 188 p.

Puschkin. Erzählungen. Herausgegeben und eingeleitet von Arthur Luther, übersetzt von Arthur Luther, Siegmund von Radecki, Reinhold Walter. Dessau: Rauch, 1941. 478 p.

Puschkin. Sämtliche Dramen, 1941. Leipzig: Rauch. 188 p.

Puschkin. Der Postvorsteher (aus d. Russ. Übertr. Von Wolfgang E. Groeger.). Graf H. Luckner schuf das Titelbild. Potsdam: Stichnote, 1943–44. 53 p.

Puschkin. Der Postmeister. Zweisprachig (russisch-deutsch), (übertragen V.R. von Walter). Berlin: Verlag der Sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland, 1946. 76 p.